

наднебесные высоты. Есть такие богословские попытки у эстетов по характеру – попытки вознести эту сферу как некое поле высшего творчества. Бывают такие всплески, причём вовсе неглупые и сами по себе интересные. Другое дело, они не всегда убедительны.

Но первый вопрос, наверное, должен быть таким: а в чём вообще смысл половой жизни, которую ещё называют, особенно в контексте приходской жизни, как-то сдержанно – родовой жизнью? Подсказывая этим термином ответ, кстати. Смысл, согласно такому подходу, вполне прозрачный: чтобы дети рождались. Ну, безусловно, глупо отрицать прямую связь половых отношений с деторождением. Хотя, наверное, не менее наивно утверждать, что только в этом всё дело. Для того, чтобы эту наивность проиллюстрировать, достаточно сравнить просто нормальный взгляд обычного человека с кришнаитским. Вы знаете, наверное, что согласно кришнаитской доктрине, половые отношения возможны только тогда, когда они мыслятся единственно как средство деторождения. Эта наивная категоричность удивительна, потому что, скажем, более-менее уверенным в том, что эти отношения не приведут к появлению ребёнка, можно быть в двух случаях: или когда супруги не хотят детей и предохраняются от зачатия, это первый вариант. И второй – когда они точно знают, что у них детей быть не может. Во всех остальных случаях – ну попробуй, соблюди это правило. Остается только соблюдать его на уровне исключительно психологическом. Вот, ты должен всегда спрашивать: «Ты хочешь, чтобы у тебя были дети, или не хочешь?». И если выясняется, что ты сам не знаешь, хочешь этого, или нет, – то, значит, нельзя. А вот когда поймёшь точно, тогда можно. Причём **оба** супруга должны это понимать одинаково ясно, иначе опять нехорошо. Понятно, что это всё как раз говорится исключительно для тех случаев, когда оба супруга кришнаиты. Довольно странная установка! Хотя, как мы уже отмечали, есть и среди христиан такое мнение, такой ответ. Кстати, ответ примитивный, глуповатый и нормального человека не устраивающий. К слову говоря, чистое деторождение – это настолько не по-Божески и не по-человечески, что отношения, существующие между людьми только ради воспроизводства себе подобных, никакой критики с точки зрения христианства выдержать не могут. Можно, конечно, сказать, что – ну как же, приматы плодят приматов, и в этом смысле это – чисто животная жизнь, а люди плодят людей... Но по этому поводу трезвый человек всегда призовет остановиться и скажет: но ведь и человек зачинает себе подобного, по крайней мере, **должен** зачинать себе подобного, совершенно иначе, чем это делают приматы, а также все прочие животные подряд. «Иначе» – не в смысле, простите, технологии, тут как раз всё очень похоже. В смысле того, как человек к этому **относится**, а не в том смысле, как это физиологически происхо-

дит. Хотя, между прочим, человек ведь даже и чисто физиологически устроен иначе. Как хорошо известно, весь животный мир, за каким-то маргинальным исключением, устроен так (в том числе и на ступенях, биологически близких к человеку): животные не знают, в строгом смысле слова, никакой половой жизни как какой-то **регулярной** формы взаимоотношений. Животные живут себе своей дикой, или, как любят говорить, «гармоничной с природой» жизнью. Охотятся, если они хищники, или травку поедают, если они не хищники. А два сезона в год у них – спаривание. Вот как спаривание, так животные становятся сами не свои, причём от них это совершенно не зависит. Они просто должны отдать долг природе. В этой связи очень хочется поехидничать по отношению к тем поклонникам матери-природы, которые приблизительно так и выражаются: «Каждая женщина обязана родить, потому что должна отдать свой долг природе». Так и хочется спросить: а эти люди вообще представляют себе, что они говорят?! Ну, понятно, когда корова отдаёт свой долг природе или другие представители животного мира. Вот они, действительно, в долгу перед природой. Да и природа их, собственно говоря, ни о чём и не спрашивает. Она просто берёт свой долг сполна.

Можно, конечно, сказать, что в животном мире, чем животные сложнее, тем сильнее проявляется форма тяготения одной особи к другой, той или иной, а не ко всем подряд, и не со всеми подряд этой особи хочется делать то, что приводит к воспроизводству. Отсюда и брачные бои, и тетеревиные токования, до крови доходящие, не говоря уже о боданиях всяких парнокопытных между собой за более привлекательную газель, и прочее, и прочее.

Но, тем не менее, ритм в природе очень сбалансирован. Вспышка на фоне вполне спокойного существования, когда носители пола, самки и самцы, не особенно вспоминают о том, кто они такие. То есть, с точки зрения ролей относительно выхаживания потомства, у них налажено так, что один охотится, а другой с потомством сидит. Причём не обязательно мамаша, к слову говоря. Как ни странно, даже у таких зверей, как львы (что называется – хрестоматийный хищник), охотятся чаще львицы. А львы, как уважающие себя патриархи, сидят дома и смотрят за тем, чтобы кто к потомству не подошёл. Потому что, вообще-то говоря, порядочному папаше важнее не то, что он сегодня будет кушать, ему важнее, чтобы выросло то, что родилось, чтобы, не дай Бог, никакая гиена не загрызла потомство. А мамаша может пока попасться, побегать за антилопой. И вообще животная жизнь – очень спокойная, без сотрясений, без человеческой придури.

У человека же всё иначе. Он, конечно, **чувствует** в себе какие-то природные циклы. Но если говорить об этой сфере, достаточно провокационной – эта сфера у человека в основном константная, постоянная.